

Трудное возрождение российской оппозиции *

Стратегия правящих групп по сохранению и удержанию власти может измениться лишь в том случае, если российская оппозиция будет способна сплотить и мобилизовать значительную часть явных и скрытых противников режима

Владимир Гельман

Весной 2004 года автор этих строк написал статью, озаглавленную «Политическая оппозиция в России: вымирающий вид?»¹. В тот период казалось, что оппозиция, если и не совсем исчезла с российской политической арены, то была оттеснена на ее глубокую периферию. В федеральном и региональных парламентах почти все решения утверждались голосами депутатов от «партии власти» и ее сателлитов, а немногие оппозиционные парламентарии почти ни на что не могли повлиять². На несправедливых выборах разных уровней доля голосов за оппозиционные партии и кандидатов была не то чтобы ничтожной, но (за отдельными исключениями) довольно незначительной³. Наконец, на уровне общественных движений большинство протестов под политическими лозунгами собирали лишь по несколько сотен записных активистов, воспринимавшихся в элитах, да и в обществе в целом в лучшем случае как бесполезные фрики, в то время как борцы с «уплотнительной застройкой» или защитники экологии всячески чурались оппо-

зиционеров, не без оснований полагая, что политические требования закроют им дорогу к достижению поставленных целей⁴. Иными словами, политическая оппозиция в России была втиснута в рамки очень узких ниш, если не сказать — загнана в гетто, и шансы на ее возрождение казались призрачными.

Десять лет спустя политический ландшафт России выглядит совершенно иначе. В 2011–2012-м митинги в Москве и других городах страны собрали сотни тысяч участников. Массовые протесты, хотя и не изменили политический режим, но позволили российской оппозиции, которая заметно расширила свои ряды и во многом сменила состав лидеров и активистов, выйти на политическую авансцену, достигнув «негативного консенсуса» в отношении нынешнего российского режима. Некоторые деятели оппозиции стали легитимными участниками политического процесса, а нескольким из них удалось добиться значимых результатов на выборах (по-прежнему несправедливых). Голос оппозиции в публичном пространстве звучит гораздо громче, и власти, не имея более возможности ее игнорировать, вынуждены прибегать к запугиванию оппозиционеров и их потенциальных сторонников. Однако от достижения своих политических целей российская оппозиция по-прежнему

* Работа выполнена в рамках программы «*Choices of Russian Modernization*» при поддержке Академии наук Финляндии. Автор благодарит Юсси Лассила и Дмитрия Травина за обсуждение ряда идей этой статьи.

далека, ее по-прежнему раздирают внутренние противоречия, которые умело используют власти, а ее позитивная повестка дня остается расплывчатой. На этом фоне даже некоторое снижение уровня массовой поддержки российского режима и его лидеров не слишком прибавляло очков его политическим противникам⁵.

Чем было вызвано возрождение политической оппозиции в России в 2010-е годы, какие факторы способствуют, а какие — препятствуют достижению ее целей? Почему и как оппозиция реагирует тем или иным образом на внешние вызовы и решает (или не решает) свои внутренние проблемы и противоречия? Наконец, каковы перспективы нынешней российской оппозиции? Статья посвящена поиску ответов на эти и некоторые другие вопросы. В ее начале представлен обзор политической эволюции оппозиции в России в 2000—2010-е годы, затем рассмотрены ее основные стратегические и организационные вызовы и альтернативы с учетом опыта оппозиции в условиях авторитарных режимов в других странах. В заключение обсуждаются некоторые выводы и возможные сценарии развития событий.

Поскольку понятие «оппозиция» как в политической науке в целом, так и в дискуссиях о российской политике, в частности, употребляется в самых разных контекстах, имеет смысл уточнить, что в данной работе речь идет главным образом о «несистемной» оппозиции (в теоретических и сравнительных работах ее также иногда называют «принципиальной» или «подрывной»)⁶. К ней могут быть отнесены политические организации, движения и отдельные политики, чьи цели включают в себя смену или кардинальную трансформацию существующего авторитарного политического режима. В этом смысле «несистемную» оппозицию можно считать и демократической («анти-авторитарной») оппозицией, независимо от (весьма различных) взглядов отдельных ее

представителей⁷. Отличие ее от «системной» оппозиции (специалисты также используют термин «полуоппозиция» или «секторальная оппозиция») состоит в том, что системные критики властей, хотя и выступают за смену политического курса в отдельных сферах, но по тем или иным причинам не склонны добиваться смены политического режима⁸. Данное аналитическое различие не означает, что «системная» и «несистемная» оппозиции на персональном уровне представляют собой непересекающиеся множества — по крайней мере, в российском контексте они, скорее, выглядят как сообщающиеся сосуды. Однако стратегическая разница между ними весьма существенна — в авторитарных режимах первые выступают как «попутчики» и младшие партнеры правящих групп (хотя риски нелояльности с их стороны отнюдь не нулевые), а вторые являются их явными оппонентами. «Несистемная» оппозиция стала основным актором в процессе демократизации многих авторитарных режимов в 1980—1990-е годы — от Мексики⁹ и Южной Кореи¹⁰ до Польши¹¹ и позднего СССР в 1989—1991 годах¹². Каковую же роль группа политических акторов, объединенных этим «лейблом», играет в сегодняшней России?

Выйти из гетто: траектория новой оппозиции

Как часто бывает, возрождение российской оппозиции в 2010-е годы происходило отчасти в силу объективных («структурных») причин, напрямую с оппозицией не связанных, отчасти в результате изменения политических возможностей (тех рамок политического процесса, которые создают условия и задают стимулы для коллективных действий тех или иных агентов)¹³, а отчасти и в силу собственных стратегических решений. Вместо того чтобы пытаться определить «удельный вес» каждого из этих факторов, гораздо важнее понять логику их взаимного влияния.

Среди политологов принято считать, что спрос на демократизацию авторитарных режимов возникает как побочный продукт экономического роста, который выталкивает на политическую арену представителей растущего городского среднего класса, выступающих за расширение своих прав¹⁴. Проблема, однако, в том, что справедливость данного суждения в отношении постсоветских стран не вполне очевидна¹⁵. Кроме того, такой подход (основанный на теории

отношением к советской эпохе, воспринималась как «дела давно минувших дней»: эту эпоху они застали в лучшем случае подростками. По сходным причинам те конфликты, которые разделяли постсоветскую политическую общественность — будь то связанные с крахом КПСС и роспуском СССР в 1991 году или разгромом парламента в 1993-м — практически не отразились на их ценностном и политическом формировании¹⁸. Дело даже не только в том, что оппозиционерам

“Вышедшие на российскую политическую сцену в 2010-х представители нового поколения были ориентированы на перспективу”.

политической модернизации в ее базовой версии) оставляет за скобками те механизмы, которые переводят спрос на политические перемены из латентной в открытую форму. На мой взгляд, в российском случае в качестве такого механизма во многом выступала смена поколений. Противоречия «отцов» и «детей» были характерны для российских преобразований второй половины 1980-х и 1990-х годов, ключевыми участниками которых выступали представители, соответственно, «шестидесятников» и «семидесятников»¹⁶. Аналогичные противоречия сыграли свою роль и в событиях 2010-х годов, в ходе которых на первый план начали выдвигаться представители постсоветского поколения как личности и как публичные фигуры, сформировавшиеся в 1990-е и особенно в 2000-е годы. Под «противоречиями» здесь имеются в виду не столько расхождения на уровне политических установок и ценностей¹⁷, сколько различия политического контекста и коллективного опыта представителей разных поколений, повлиявших на формирование и эволюцию их мировоззрения и поведения.

Прежде всего, для нового поколения оппозиционеров вся система координат, заданная

2010-х годов было гораздо легче, чем их предшественникам, выстраивать «негативный консенсус» по отношению к режиму и искать общий язык с потенциальными союзниками (в том числе теми, кто придерживался кардинально иных взглядов). Гораздо важнее то, что «семидесятники», доминировавшие на политической сцене страны в 2000-е годы (среди представителей как правящих групп, так и оппозиции), выстраивали свои стратегии ретроспективно: одни стремились к тому, чтобы удержать завоеванные ранее позиции, другие — к тому, чтобы взять реванш за былые поражения. Но вышедшие на российскую политическую сцену в 2010-х представители нового поколения были ориентированы на перспективу, которая, помимо прочего, предполагала, что вскоре доминирующие позиции в политике вместо «семидесятников» займут они сами. И если в лагере правящих групп возможности для подобной смены лидеров были заблокированы, то в лагере оппозиции на фоне пережитого ею в 2000-е годы упадка лишь смена поколений давала шансы на возрождение. Не случайно волна протестов 2011–2012 годов оттеснила ранее признанных оппозиционеров — «семи-

десятников» и вынесла на первый план новые фигуры. Символический момент, ознаменовавший завершение этого процесса, наступил летом 2013 года, когда партия РПР-ПАРНАС, возглавляемая 54-летними сопредседателями Борисом Немцовым и Михаилом Касьяновым, выдвинула кандидатом на пост мэра Москвы 37-летнего Алексея Навального — пожалуй, наиболее яркого оппозиционера нового поколения.

Другим значимым фактором, обусловившим возрождение российской оппозиции, стал курс «модернизации», провозглашенный Дмитрием Медведевым, занимавшим в 2008–2012 годах пост главы государства. Хотя «модернизация» представляла собой не более чем хаотический и неэффективный набор полумер (типа отмены «зимнего времени» или переименования милиции в полицию), она сопровождалась весьма громкой либеральной риторикой Кремля (типа «свобода лучше, чем несвобода») и рядом шагов, призванных создать иллюзию более «прогрессивного» стиля управления страной — в частности, большей открытости в процессе принятия решений и привлечения к их выработке представителей общественности¹⁹. Независимо от намерений Кремля, эти шаги влекли за собой непредсказуемые последствия. Снижение давления властей на общественность и демонстрация готовности диалога с согражданами позволили ряду гражданских инициатив, носивших в 2000-е годы сугубо локальный и/или групповой характер, публично заявить о своих требованиях²⁰. В то же время бурно насаждавшиеся Кремлем разного рода консультативные советы позволяли общественности включать свои требования в политическую повестку дня, не опасаясь обвинений в оппозиционности. Иными словами, прежде закрытая структура политических возможностей в период президентства Медведева сменилась некоторой, пусть частичной и иллюзорной, либерализацией,

которая сама по себе создавала условия для политизации общественности; именно эта политизированная общественность позднее стала питательной средой для новой оппозиции, успешно освоившей новые каналы онлайн-коммуникаций. Как всякая частичная и иллюзорная либерализация, она способствовала тому, что практически любой исход конфликтов властей и общественности сближал последнюю с оппозицией. Прежде всего это происходило в тех случаях, когда власти открыто водили сограждан за нос, обманывая их и отказываясь идти на компромисс. Пожалуй, наиболее ярким примером такого рода стало движение в защиту Химкинского леса, которому так и не удалось заблокировать проект строительства автомагистрали в зеленом массиве Подмосковья. Обещания Медведева пойти навстречу гражданским активистам при разрешении конфликта оказались пустыми словами. Неудивительно, что лидер местного движения Евгения Чирикова вскоре стала одной из наиболее заметных фигур российской оппозиции.

Но и в тех случаях, когда власти как будто уступали давлению общественности (например, отказавшись от строительства башни «Охта-центра» в Санкт-Петербурге, против которого выступали градозащитники), активисты лишь расширяли объем требований и стремились официально закрепить их на уровне принятия решений. Помимо этого, либерализация способствовала появлению ряда новых, не подконтрольных властям организаций, начиная от СМИ (не только политически-новостных — например, телеканал «Дождь», но и досуговых, как, например, «Афиша») и заканчивая движениями типа «Синие ведерки» (против использования чиновниками автомашин, оборудованных спецсигналами)²¹ и сообществами типа «Диссернет» (специализируется на разоблачении плагиата в диссертациях чиновников)²². Эти процессы носили спонтанный

характер, став побочным эффектом либерализации.

В сентябре 2011 года власти объявили о предстоящем возвращении Владимира Путина на пост президента страны, что предполагало сворачивание либерализации и связанных с ней иллюзий. Предстоявшее сужение политических возможностей не оставляло активизировавшейся общественности иного выхода, кроме политизации и солидарности с оппозицией. В более общем

2010-х годов воспользовались тем же оружием, что и прогрессистское (реформистское) движение в США в начале XX века²⁶, демократические движения 1970–1980-х годов в ряде стран Латинской Америки, да и российское демократическое движение конца 1980-х — начала 1990-х годов²⁷. Разоблачения злоупотреблений верхушки КПСС и борьба с привилегиями номенклатуры в период перестройки оказались куда более эффективным средством массовой мобилизации против

“Разоблачения «жуликов и воров» в России формировали и упрочивали «негативный консенсус» по отношению к режиму поверх барьеров идеологических предпочтений”.

плане, ряды потенциальных сторонников оппозиции пополнился за счет тех россиян, которые почувствовали себя обманутыми, когда риторика «модернизации» оказалась не более чем пустым звуком²³.

Наконец, еще одним важным фактором, способствовавшим возрождению российской оппозиции в ходе электорального цикла 2011–2012 годов, стали стратегические шаги самих оппозиционеров накануне и в ходе кампании. Оппозиция сменила не просто фокус критики властей, но и повестку дня в целом: на смену продвижению абстрактных идей (демократия, права человека) и решению конкретных проблем (против тех или иных мер, предпринятых властями) пришел популизм, предполагавший мобилизацию общества против режима в целом как глубоко антинародного, неэффективного, неспособного к позитивным преобразованиям и сознательно им препятствующего²⁴. Антикоррупционные кампании, развернутые Алексеем Навальным и другими активистами («Роспил» и другие проекты), отвечали наметившемуся в обществе запросу на перемены²⁵ и становились площадкой для консолидации разных сегментов оппозиции. Российские оппозиционеры

правящего режима, нежели либеральная риторика диссидентов и правозащитников²⁸. Разоблачения «жуликов и воров» в России 2010-х годов выполняли сходные функции: они формировали и упрочивали «негативный консенсус» по отношению к режиму поверх барьеров идеологических предпочтений — как среди самих оппозиционеров, так и среди сограждан; они выступали минимальным общим знаменателем любых перемен. Противодействовать популистской стратегии — нелегкая задача для любых авторитарных режимов. В российском случае она оказывалась еще сложнее, поскольку власти стремились не злоупотреблять репрессивными методами²⁹ и опирались на манипуляции в СМИ («виртуальная политика», как ее называл Эндрю Уилсон)³⁰, в то время как покупка лояльности, в немалой мере обеспечивавшая массовую поддержку режима в прежние годы, после кризиса 2008–2009 годов оказалась менее эффективной. Как отмечал Адам Пшеворский, «авторитарное равновесие держится на лжи, страхе или экономическом процветании»³¹. В России 2010-х годов экономическое процветание оказалось под вопросом, а страх россиян

перед нарушением авторитарного равновесия начал отступать (как на фоне проводимого Медведевым курса либерализации, так и в силу смены поколений). Стало ясно, что ложь кремлевской пропаганды сама по себе не способна противостоять популистской стратегии оппозиционеров. Популизм носил асимметричный характер по отношению к действиям властей, переводя прежний конфликт «сильный режим vs. слабая оппозиция» в измерение «враждебное государство vs. гражданское общество», тем самым подрывая легитимность статус-кво подобно лозунгам оппозиции в борьбе против коммунистических режимов в Восточной Европе³².

Таким образом, накануне электорального цикла 2011–2012 годов все источники перемен в лагере оппозиции: (1) смена поколений оппозиционеров; (2) расширение политических возможностей и (3) переход к популистской стратегии — слились воедино, взаимно усиливая друг друга. В то время как российские власти явно недооценивали вызовы, исходившие от оппозиции, последняя смогла умело использовать просчеты «самоуверенных жуликов и беспечных воров»³³. Избранная на думских выборах 2011 года тактика — голосовать за кого угодно, кроме «Единой России», в сочетании с умелым ведением негативной кампании — способствовала политизации довольно широких слоев избирателей, укрепляя «негативный консенсус», а массовые злоупотребления властей в ходе кампании и при подсчете голосов³⁴ сыграли роль катализатора массовых постэлекторальных протестов. Их масштаб оказался неожиданным не только для Кремля, но и для самих представителей оппозиции, которые даже в самых смелых мечтах не рассчитывали на такое развитие событий. Выход десятков, если не сотен тысяч граждан на улицы Москвы и других городов России под лозунгами, в которых требования пересчета итогов голосования быстро сменились призывами

к полной смене политического режима, означал конец прежней российской оппозиции — малочисленной, маргинальной и неинтересной обществу — и ее переход в новое качество. Но этот переход и вызванные им «болезни роста» создали для оппозиции новые вызовы, ответ на которые оказался непростым и отнюдь не всегда удачным.

По ту сторону «негативного консенсуса»

Не будет большим преувеличением утверждать, что в ходе массовых протестов 2011–2012 годов российская оппозиция во многом пала жертвой собственного успеха. Объективно, она была не готова — ни организационно, ни стратегически — к тому, чтобы решать новые задачи. С организационной точки зрения, оппозиция представляла собой разрозненный конгломерат малочисленных групп и отдельных публичных фигур, которые не имели опыта кооперации и подчас с трудом переносили друг друга. Оппозиционеры не имели какого-либо стратегического плана; их шаги сводились лишь к подготовке очередных протестных акций и усилиям по наращиванию численности участников. Справедливости ради, стоит отметить, что события развивались столь стремительно, что у оппозиционеров попросту не было ни времени, ни ресурсов для каких-либо иных действий. В результате некоторые возможные шаги оппозиция даже не рассматривала всерьез, но при этом участники нередко питали неоправданные надежды. Так, идея выдвижения Навального в качестве кандидата от оппозиции на президентских выборах 2012 года была отвергнута, а номинация кандидатуры Григория Явлинского от «Яблока» не встретила поддержки в среде оппозиционеров. Вместе с тем попытки некоторых представителей оппозиции начать переговоры с властями (через посредника в лице Алексея Кудрина) были явно преждевременны — к концу 2011-го масштаб и продол-

жительность протестной мобилизации были явно недостаточны, в то время как позиции режима не настолько ослабли, чтобы вынудить Кремль к некоему подобию «круглого стола»³⁵. Напротив, зимой 2011–2012 годов в России не было ни малейших признаков вождя для оппозиции «раскола элит»; более того, не было и намека на кооперацию с «системной» оппозицией — партии, оказавшиеся главными бенефициариями стратегии голосования за кого угодно, кроме «Единой России», не имели никаких стимулов для того, чтобы примкнуть к протестам против режима. В случае, если бы «несистемная» оппозиция добилась своих целей и Путин лишился власти, будущее КПРФ или «Справедливой России» могло оказаться весьма призрачным, в то время как сохранение политического статус-кво не сулило особых рисков. Поэтому к оппозиции примкнули лишь второстепенные фигуры среди «системщиков» (например, отец и сын Гудковы и Илья Пономарев). Сходным образом обстояло дело и в других сегментах российского истеблишмента — даже те представители бизнеса или чиновничества, которые втихомолку симпатизировали оппозиционерам, отнюдь не спешили пополнять их ряды. Предельно огрубляя, в ходе протестов 2011–2012 годов оппозиция усилилась за счет доселе скрытых противников режима, но не за счет его более или менее лояльных «попутчиков».

Дефицит организационных ресурсов и стратегического видения оппозиция пыталась компенсировать посредством «коннективного действия» (*connective action*): мобилизации сторонников с помощью Интернета и социальных сетей³⁶, через индивидуальные связи и повседневные контакты, которую специалисты противопоставляют логике «коллективных действий» (*collective action*), предполагающей, что в ходе массовых протестов ключевую роль играют организации

и/или идеологии³⁷. Действительно, эти механизмы координации протестов сыграли немалую роль в ходе «арабской весны» 2011 года и в ряде других случаев, но российский опыт, скорее, продемонстрировал пределы логики «коннективного действия» в случае, когда мобилизация носит не разовый, а повторяющийся характер. Если на первоначальном этапе социальные сети помогли собрать немалое число участников первых московских митингов, транслировать и усилить протестные настроения, конвертируя их в массовые акции, онлайн-трансляции заседаний оргкомитета протестных действий привлекали широкое внимание, а список выступающих на митингах определялся голосованием через Интернет, то позднее в полной мере проявилась именно слабость «коннективного действия».

Ресурс рекрутирования участников протестов через социальные сети вскоре оказался исчерпан: в феврале 2012 года опрос участников московского митинга показал, что в основном это были те же люди, которые присоединились к протестам на более ранних стадиях³⁸. По сходным причинам не отмечалась и диффузия протестов от столицы к другим городам; скорее, напротив — активизм там быстро «съежился». В целом оказалось, что хотя «слабые связи»³⁹ сетевой мобилизации через Интернет легко активизировать на эмоциональном подъеме, как это происходило после думских выборов, они тем не менее не могут служить основным инструментом протестной мобилизации — для этого необходимы «коллективные действия». В полной мере эти слабости проявились уже после завершения электорального цикла. Когда осенью 2012 года волна протестов пошла на спад, Навальный, обращаясь на митинге к сторонникам оппозиции, призвал их регулярно ходить на протестные акции, «как на работу»: однако социальные сети и Интернет (в отсутствие сильных организаций) не соз-

давали массовых стимулов для поведения такого рода ⁴⁰.

Неудивительно, что Кремль быстро перехватил инициативу у оппозиции, и итоги президентских выборов в марте 2012 года стали для нее холодным душем. В отсутствие у оппозиции реальной стратегии дальнейших действий предпринятое властями «закручивание гаек» (ужесточение ряда законов, провокации в ходе акций протеста, приведшие к аресту ряда активистов и участников, публичная

обладавшая локальной базой поддержки в Химках, на выборах мэра города осенью 2012 года смогла набрать лишь 17,5 проц. голосов избирателей (на предыдущих выборах мэра, в 2009-м она получила 15 проц. голосов, так что прогресс был невелик) ⁴². По сути, это означало, что оппозиция, участвуя в электоральной политике, могла претендовать лишь на «нишевый» статус, не создававший вызовов для властей ⁴³: она получала голоса только своих верных сторонников (и прежде не

“Оппозиция, участвуя в электоральной политике, могла претендовать лишь на «нишевый» статус, не создававший вызовов для властей”.

дискредитация оппозиционеров и преследование лидеров) грозило привести к маргинализации протестного движения. Вместе с тем некоторая либерализация, осуществленная властями в ответ на протесты 2011–2012 годов, — упрощение регистрации политических партий и расширение возможностей для участия в выборах — становились для оппозиции новым политическим вызовом ⁴¹.

Дискуссия среди оппозиционеров весной 2012-го выявила два полярных подхода к дальнейшей стратегии борьбы, отчасти напомиравшие полемику «отзовистов» и «ликвидаторов» в среде русских революционеров после 1905-го года. В то время как сторонники «уличных» протестов во главе с Сергеем Удальцовым делали ставку на рост численности участников акций («Марш миллионов»), их оппоненты во главе с Владимиром Миловым предлагали альтернативы в виде активного партийного строительства и участия в выборах. Однако вскоре обе стратегии оказались проигрышными. «Марши» с их неизменным репертуаром инвектив в адрес «жуликов и воров» начали выдыхаться; что же до выборов, то их итоги принесли оппозиционерам немного выгод. Та же Чирикова,

голосовавших за представителей режима), но имела мало шансов привлечь на свою сторону более широкие круги избирателей, в том числе и негативно относившихся к властям. Тем самым участие оппозиции в выборах укрепляло легитимность режима, поддерживая политическое статус-кво ⁴⁴. Сходную тенденцию фиксировали и массовые опросы и фокус-группы: даже некоторое снижение поддержки режима отнюдь не означало, что тем самым усиливается поддержка оппозиции ⁴⁵.

Вместе с тем логика противостояния режиму требовала, чтобы организационно и идейно разрозненные сегменты оппозиции занялись координацией своих шагов. Но взятый на вооружение механизм кооперации оказался неудачным. Координационный совет оппозиции (КСО) был широко анонсирован в качестве новой демократической формы, созданной на основе свободного волеизъявления граждан — альтернативы нечестным голосованиям на думских и президентских выборах 2011–2012 годов. Любой гражданин России мог баллотироваться в 45-местный КСО, и все желающие могли принять участие в голосовании, организованном по всей стране и за рубежом. Кампания по выборам

КСО включала прямые теледебаты участников, а процесс голосования предполагал избрание трети членов КСО по квотам для идеологических лагерей — левых, либералов и националистов. В октябре 2012-го свыше 81 тыс. избирателей проголосовали на выборах КСО. Его члены как будто могли утверждать, что представляют не только самих себя, но и своих сторонников. Однако позитивные эффекты этой кампании оказались сведены на нет, поскольку у КСО не было реальной

прекратил свое существование. Этот опыт не был бесполезен для активистов, но скудные ресурсы оппозиции во многом оказались потрачены впустую.

К 2013 году стало казаться, что Кремлю удалось справиться с угрозой возникновения влиятельной оппозиции. Успехи противников режима оказались не слишком значительными — оппозиционные партии в лучшем случае могли рассчитывать на отдельные места в региональных legislatures (как

“Взлет Навального был значим как свидетельство нарастающих трудностей для режима электорального авторитаризма”.

повестки дня. Изначально КСО должен был выступать в качестве организатора протестов и представительного органа, уполномоченного выступать от имени оппозиции (в том числе и в случае гипотетических переговоров с властями, о чем мечтали некоторые оппозиционеры, имея в виду российский аналог польского «круглого стола» образца 1989 года). Но первая из этих задач могла успешно решаться (и решалась ранее — в конце 2011-го и первой половине 2012 года) и без КСО, а вторая была явно преждевременной. Некоторые из членов КСО пытались представить этот орган как некий альтернативный парламент, более легитимный, нежели Дума, но подобные мечты были как минимум наивными. В итоге члены КСО тратили время на бесконечные дебаты (транслировавшиеся в Сети), принимали множество резолюций, но едва ли могли сколько-нибудь повлиять на политические процессы в стране. Вскоре некоторое количество выбранных членов КСО покинули его ряды из-за невозможности договориться друг с другом и неэффективности самого органа. В октябре 2013 года после истечения срока полномочий КСО, хотя формально и не был распущен, фактически

РПР-ПАРНАС в Ярославской области осенью 2013 года). Властям это доставляло не больше хлопот, чем партии «системной» оппозиции. Но картину сильно изменили выборы мэра Москвы в сентябре 2013 года. Изначально, позиции инкубента Сергея Собянина казались почти незыблемыми. Опросы предсказывали ему легкую победу, отводя потенциальному конкуренту Навальному не более 10 проц. голосов⁴⁶. Сокрушительная победа Собянина над Навальным на выборах могла укрепить легитимность режима и продемонстрировать избирателям отсутствие реальной политической альтернативы. Отчасти поэтому Навальный, несмотря на то, что ему пришлось вести кампанию, находясь в статусе обвиняемого в уголовном преступлении (по явно сфабрикованному делу), смог не только собрать подписи муниципальных депутатов, необходимые для регистрации на выборах, но и был освобожден из тюрьмы почти сразу после обвинительного приговора. Кремль тем не менее недооценил потенциал оппозиционера: ему удалось провести энергичную избирательную кампанию, его команда смогла привлечь немалое количество волонтеров, эффективно использовать

краудфандинг для сбора средств и мобилизовать большое количество избирателей. В результате Навальный смог привлечь на свою сторону не только и не столько явных противников режима, но и часть тех, кто в ходе волны протестов 2011–2012 годов занимал нейтральную и/или пассивную позицию (прежде всего среди молодежи). Итоги выборов мэра превзошли все ожидания: Навальный получил свыше 27 проц. голосов против 51,3 проц. у Собянина, который с трудом избежал второго тура голосования. Хотя немало активистов оппозиции считали, что победа Собянина стала следствием фальсификаций при подсчете голосов, сам Навальный справедливо счел, что время для «восстания масс» еще не пришло⁴⁷.

Несмотря на поражение, результат Навального, заручившегося поддержкой свыше 630 тыс. москвичей, оказался исключительным успехом — не столько потому, что он стал безусловным лидером оппозиции, сколько потому, что его кампания смогла преобразовать потенциал «коннективных действий» в коллективные действия противников режима. Вместо спонтанных разовых протестов, выражавших эмоциональную реакцию участников, заработала электоральная машина с ее разделением труда, централизацией и систематической ежедневной работой, столь необходимой для организационного развития оппозиции — прежде всего, в Москве, главном средоточии политического активизма в стране в целом. Последующие шаги Навального: он возглавил партию «Народный альянс», которая объединила его сторонников («партия Навального») и анонсировала планы участия в выборах в Московскую городскую Думу осенью 2014 года, — в этой связи были вполне логичны⁴⁸. Кроме того, Навальному удалось резко расширить круг сторонников оппозиции⁴⁹ — к разочарованию кремлевских политтехнологов, которые, по всей видимости, рассчиты-

вали, что безоговорочная победа над оппозицией на конкурентных выборах укрепит легитимность власти. Взлет Навального был значим как свидетельство нарастающих трудностей для режима электорального авторитаризма; однако он содержит и новые вызовы для оппозиции, которая выходит на политическую арену страны в надежде нанести поражение режиму.

Вызовы и альтернативы демократической оппозиции

Весной 1990 года известный политолог-компаративист Альфред Степан опубликовал статью под названием «О задачах демократической оппозиции». В ней он рассуждал о роли оппозиции в процессе демократизации авторитарных режимов в Латинской Америке и тех уроках, которые могли извлечь из этого процесса страны Восточной Европы⁵⁰. К моменту публикации этой работы политический контекст ряда восточноевропейских стран сильно изменился и кое-где вчерашняя оппозиция оказалась у власти и вынуждена была решать совсем иные задачи, но почти четверть века спустя тезисы Степана вполне релевантны для сегодняшней российской оппозиции и стоящих перед ней проблем.

Отмечая первостепенную значимость демократической оппозиции для эрозии авторитарных режимов, Степан сформулировал ее основные задачи в процессе демократизации. К ним были отнесены: (1) сопротивление кооптации со стороны режима; (2) сохранение зон автономии общества по отношению к режиму; (3) подрыв легитимности режима; (4) повышение цены авторитарного правления, и (5) создание убедительной демократической альтернативы режиму⁵¹. В этом плане сегодняшние достижения российской оппозиции выглядят противоречиво. Хотя шаги Кремля во многом облегчали оппозиции решение задачи (1) и (4), однако задача (3), а тем более, задача

(5) по-прежнему далеки от сколько-нибудь успешного решения. Поддержание «негативного консенсуса» как необходимого (хотя и недостаточного) условия подрыва режима оставалось достижением российской оппозиции со времен, предшествующих протестам 2011–2012-го ⁵², но ее прогресс на других направлениях был не столь значителен.

Нерешенность названных Степаном задач препятствовала становлению оппозиции как центра консолидации всех несогласных с режимом общественных сил и организованных групп. Даже влиятельные фигуры, по разным причинам дистанцировавшиеся от Кремля — такие как Алексей Кудрин или Михаил Прохоров — не спешили солидаризироваться с оппозиционерами, предпочитая развивать собственные проекты (Комитет гражданских инициатив, партия «Гражданская платформа»), оставляя себе пространство для маневра при любом развитии дальнейших событий. Сходным образом обстояло дело и в отношении других сегментов элит, в том числе и не разделявших стратегические ориентиры Кремля ⁵³. Хотя Навальному в ходе кампании 2013 года удалось заручиться открытой поддержкой со стороны некоторых представителей бизнеса, эти достижения были эпизодическими и не меняли (по крайней мере, пока) общей картины. В целом, препятствием для перехода тех или иных акторов на сторону противников режима были не только риски и угрозы со стороны власти; проблема была еще и в том, что победа оппозиции представлялась маловероятным событием как элитам, так и рядовым россиянам, а ее возможные последствия казались неочевидными. Перефразируя последнюю фразу «Манифеста коммунистической партии», можно вслед за Сергеем Рыженковым полагать, что россиянам было что терять при подрыве режима, цепи казались не слишком крепки и тяжелы, а приобретения в случае поражения авторитаризма

выглядели не столь заманчиво ⁵⁴. Тем самым даже для критиков режима сохранение политического статус-кво выглядело меньшим злом и убедить сограждан в том, что оппозиция способна предложить привлекательную альтернативу нынешнему режиму, пока что никому не удалось. Более того, оппозиция и ее потенциальные союзники сталкиваются с проблемой горизонта планирования: перспектива длительной борьбы против глубоко эшелонированного авторитарного режима оказывает демобилизующий эффект, подталкивая противников режима не к «протесту» (*voice*), а к «уходу» (*exit*) ⁵⁵, который не представляет угрозы для властей. На сегодняшний день неочевидно, сможет ли оппозиция удержать своих нынешних союзников и тем более привлечь новых.

Популистская стратегия, лежавшая в основе «негативного консенсуса» оппозиции, также наталкивалась на ограничения. Она препятствовала выработке позитивной повестки дня в ситуациях, когда от оппозиции требовались не только инвективы в адрес режима, но и четкая позиция по таким вопросам, в отношении которых в обществе не отмечалось единства. С одной стороны, в отличие от самого режима, который намеренно занимал уклончивую и размытую позицию, оппозиционеры не могли позволить себе подобную неопределенность, а с другой — последовательное позиционирование по острым вопросам грозило срывом «негативного консенсуса» и позволяло властям успешно проводить политику «разделяй и властвуй». Одним из таких вопросов оказалось отношение к иммигрантам. В то время как Навальный выражал поддержку антииммигрантскому «Русскому маршу» и говорил о симпатиях к некоторым националистическим группам ⁵⁶, либеральные оппозиционеры, для которых такая позиция была категорически неприемлема, не упускали случая обвинить его в агрессивном нацио-

нализме и на этом основании отказывали ему в моральном праве на лидерство в рядах оппозиции⁵⁷. Некоторые наблюдатели подчеркивали в этой связи, что такая риторика Навального имела целью не привлечение идейных сторонников оппозиции (у них и так не было иного выбора, кроме поддержки Навального), а стратегический сдвиг в сторону «медианного избирателя», гораздо более склонного к ксенофобии⁵⁸. Очевидно, что дилемма выбора между размежеванием среди

несколько сочетание различных методов борьбы против режима на различных аренах и взаимная поддержка, когда оппозиционеры приветствуют те шаги своих потенциальных союзников, которые «раскачивают лодку» и ослабляют статус-кво. Такое сотрудничество оказывается более успешным, если различные группы оппозиционеров добиваются поддержки в разных сегментах общества и (что немаловажно для сегодняшней России) оппозиционеры отказываются от публичной борь-

“В отличие от самого режима, который намеренно занимал уклончивую и размытую позицию, оппозиционеры не могли позволить себе подобную неопределенность”.

разных групп оппозиционеров по принципиальным вопросам и их прагматическим стремлением к сохранению «негативного консенсуса» любой ценой не имела удовлетворительного решения, и это значит, что противоречия в лагере оппозиции могут нарастать и в будущем.

Неудачный опыт КСО продемонстрировал также и организационную слабость оппозиции, отчасти связанную с дефицитом влиятельных автономных организаций в стране в целом. В отличие от ряда авторитарных режимов, где союзниками оппозиции выступали независимые от властей религиозные объединения, студенческие организации или профсоюзы, в России эти ресурсы практически отсутствовали. Поэтому создание формальной «зонтичной» структуры, претендующей на объединение всех противников режима в единую организацию, в реальности не привело к умножению сил оппозиции. Такая структура сама по себе не увеличивает ее мобилизационный потенциал и не слишком помогает в ведении избирательных кампаний. Опыт демократизации ряда стран говорит о том, что для эффективной кооперации важна не столько организационная консолидация,

бы друг с другом во имя достижения главной цели, демонстрируют способность к тактическим компромиссам и готовность к гибкому пересмотру своих идейных воззрений.

Наконец, хотя по словам Степана, «консенсус [оппозиции. — В.Г.] может быть достигнут по поводу правил игры, а не ее результатов»⁵⁹, на деле ситуация в сегодняшней России представляется противоположной. Справедливо обличая режим и выдвигая лозунг смены власти («Путин должен уйти»), российские оппозиционеры пока не провозглашают в качестве приоритета пересмотр основных «правил игры» — таких как монополия на власть фактического главы государства, отказ от электоральной конкуренции элит (или ее ограничение) или иерархическая соподчиненность органов управления на всех уровнях («вертикаль власти»). Хотя такой пересмотр станет возможен, только если и когда на повестке дня окажется вопрос о смене власти в стране, неопределенность в отношении основополагающих принципов политического устройства создает реальный риск смены одного авторитарного режима другим — в том случае, если оппозиции удастся добиться своих целей. По мнению

некоторых исследователей, в российском случае проблема усугубляется и тем, что сторонники оппозиции отнюдь не обязательно стремятся к демократии — для многих предпочтительным был бы приход к власти нового сильного (и более эффективного) авторитарного лидера⁶⁰. Критики такой точки зрения отмечали, что, хотя многие россияне негативно относятся к ключевым демократическим институтам (таким как разделение властей или защита прав меньшинств), значительное большинство считает проведение свободных и честных выборов вопросом первостепенной важности⁶¹. Если так, то, по крайней мере, стремление положить конец электоральному авторитаризму выступает своего рода минимальным общим знаменателем для оппозиции и оставляет надежды на эволюцию политических установок россиян в случае демократизации страны в будущем. Так или иначе, популистское предложение со стороны оппозиции в сочетании с противоречивым политическим спросом со стороны российских граждан создает серьезные опасения относительно характера тех перемен, которые могут произойти в будущем. Подобно тому, как падение режима КПСС и приход к власти коалиции во главе с Ельциным в 1991 году привели не к демократизации страны, а к становлению нового авторитаризма, риски такого рода весьма вероятны и в случае смены режима в сегодняшней России.

Повестка на завтра

Еще осенью 2011 года немногие наблюдатели ожидали, что российская оппозиция в течение двух последующих лет станет значимым политическим актором, способным к мобилизации заметного числа сторонников и к получению существенной доли голосов на выборах. Достигнутые оппозицией успехи выглядят впечатляющими, если принять во внимание почти нулевую «точку отсчета»

середины 2000-х годов. Они, однако, не столь очевидны, если проецировать нынешнюю ситуацию на будущее.

В самом деле, всерьез говорить о перспективах российской оппозиции невозможно, не учитывая стратегии правящего режима. По мнению Лукана Уэя, роль оппозиции в кризисе электоральных авторитарных режимов не слишком значительна, а большинство рисков для этих режимов связано с теми или иными шагами правящих групп⁶². Тем не менее следует иметь в виду, что сами эти шаги предпринимаются в ответ на вызовы, которые возникают, в том числе и со стороны оппозиции⁶³. Но анализ стратегического взаимодействия режима и оппозиции в российском случае наталкивается на большое количество неизвестных величин: невозможно оценить ни тренды общественного мнения (ввиду «фальсификации предпочтений» граждан)⁶⁴, ни потенциал силового подавления протестных выступлений и связанных с ними рисков. Действия режима по отношению к оппозиции после протестов 2011–2012 годов можно считать частично успешными — властям удалось не допустить «расползания» протестных проявлений за пределы столиц и вовлечения в них широких социальных слоев и избежать присоединения к оппозиции не слишком лояльных «попутчиков» режима. Дозированный допуск оппозиции к участию в выборах также ослаблял потенциал «уличной» мобилизации, снижая риски для властей. Вместе с тем тактика «закручивания гаек» не слишком сильно запугала оппозиционеров и их потенциальных союзников, да и пропагандистские кампании Кремля по дискредитации оппозиции имели лишь ограниченный эффект. Проблема, однако, не только в том, что экзогенные шоки (прежде всего, связанные с ухудшением ситуации в экономике страны) могут нарушить нынешнее равновесие в паре «режим – оппозиция», но и в том, что протестные проявления — не только

в столицах, но и в других городах и регионах⁶⁵ — могут возникать вне всякой связи с действиями оппозиции. Пока что властям удавалось справляться с отдельными вспышками такого рода, прибегая к локализации конфликтов и частичному удовлетворению требований протестующих, тогда как потенциал оппозиции был явно недостаточным для того, чтобы капитализировать локальные «бунты». Однако никто не гарантирует, что нынешнее равновесие сохранится и в будущем.

Иначе выглядят перспективы режима и оппозиции в России, если нынешнюю ситуацию рассматривать не статически, а как элемент политической динамики. С этой точки зрения, волну политического протеста 2011–2012-го годов и трудное возрождение российской оппозиции можно рассматривать как начальный этап «ползучей» (*creeping*) демократизации страны. «Ползучая демократизация»⁶⁶ — это сложный и иногда довольно длительный во времени процесс перехода от

“Протестные проявления — не только в столицах, но и в других городах и регионах — могут возникать вне всякой связи с действиями оппозиции”.

Проецирование текущей ситуации на будущее (анализ режимов и оппозиций не служит исключением) обычно страдает двумя крайностями. Одна из них — предположение о вероятной преемственности статус-кво с теми или иными вариациями (*status quo bias*), согласно которому сохранение нынешнего положения дел рассматривается как «точка отсчета». С этой точки зрения, можно ожидать, что в обозримом будущем российская оппозиция едва ли не обречена на нынешний «нишевый» статус и не способна создать серьезный вызов режиму. Другая крайность — ожидание неизбежного обвала и краха режима, часто присущее его непримиримым критикам, имплицитно исходящим из логики «чем хуже, тем лучше». Хотя такое развитие событий невозможно исключить, а его последствия тем более непредсказуемы, стоит иметь в виду, что внезапный коллапс авторитарных режимов отнюдь не всегда играет на руку демократической оппозиции. «На обломках самовластья» порой происходит захват власти политическими предпринимателями, оказавшимися в нужное время в нужном месте, что вовсе не ведет к демократизации страны, а, скорее, означает поворот режима от «плохого» к «худшему».

авторитаризма к демократии посредством серии стратегических действий как режима, так и оппозиции, меняющих свои стратегии под воздействием шагов друг друга. Его суть состоит в том, что под давлением оппозиции правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем (если давление усиливается, а режим не сворачивает либерализацию) на расширение пространства политического участия, что, в свою очередь, приводит как к размежеваниям внутри правящих групп, так и к вовлечению оппозиции в политический процесс. Дальнейшее развитие событий может предполагать различные варианты — и компромисс между реформистски настроенной частью правящих групп и умеренной оппозицией («соглашение элит», как в случае Польши в 1989-м году), и инициативу правящих групп по опережающей демократизации режима, позволяющей удержать власть по итогам конкурентных выборов (как в Южной Корее в 1987-м году), и, наконец, серию противостояний на электоральной арене, правила борьбы на которой со временем могут стать более прозрачными и обеспечить мирный приход к власти оппозиции (как в Мексике в 1997—

2000-х годах)⁶⁷. Подобное развитие событий в том или ином виде было характерно для «историй успеха» демократизации ряда стран в конце XX века, и нет оснований исключать его и для сегодняшней России, хотя «ползучая демократизация» зачастую оказывается непоследовательной и порой включает в себя несколько попыток.

Стратегия правящих групп по сохранению и удержанию электорального авторитаризма может измениться, лишь если и когда давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но приобретет одновременный и кумулятивный характер на разных направлениях — то есть российская оппозиция будет способна сплотить и мобилизовать значительную часть противников режима. Помимо массовых протестных выступлений в разных формах важнейшим механизмом, способным подорвать нынешнее авторитарное равновесие в России, служат выборы. Это не означает, что переход России к демократии, если и когда он наступит, станет результатом победы оппозиции над правящей группой на выборах, которые проходят по нынешним «правилам игры». В обозримом будущем электоральный авторитаризм в России не исчезнет сам по себе, но выборы, важные для режима как источник его легитимации, могут носить «опрокидывающий» характер, подобно тому, что произошло в ходе думского голосования в декабре 2011-го года⁶⁸. В этих условиях кооперация оппозиции и поддержка ею альтернативных Кремлю кандидатов могут на определенном этапе нанести режиму максимальный урон. Если региональные и местные выборы в 2014–2015-м годах повлекут за собой целый каскад «опрокидывающих» эффектов, то нельзя исключить, что правящая группа вынуждена будет пойти по пути более серьезной либерализации в преддвее-

рии цикла думских (2016) и президентских (2018) выборов, под давлением общества меняя не только формальные, но и неформальные правила их проведения и расширяя политические возможности для оппозиции. Однако трудно сказать, сможет ли сама оппозиция воспользоваться этими шансами, если и когда они ей представятся.

После краха коммунизма и распада СССР Россия не смогла воспользоваться внезапно открывшимся «окном возможностей» для демократизации страны. Казалось бы, за два десятилетия строительства авторитаризма в России правящие группы смогли наглухо его заколотить. Но волна протестов 2011–2012 годов по крайней мере позволила оппозиции приоткрыть — если не окно, то «форточку» возможностей — и понимание необходимости смены режима сегодня ширится среди различных групп российского общества. Спрос на перемены в России, будучи предъявлен властям, со временем может возрасти, давая тем самым новые шансы для оппозиции (хотя никто не гарантирует, что она сможет успешно ими воспользоваться). Но все же смена поколений оппозиции не проходит даром: нынешние ее представители учитывают ошибки предшественников и, пусть не сразу, также учатся на собственных ошибках. Это дает основания рассчитывать на то, что в процессе новых изменений политического режима Россия не будет вновь попадать из огня да в полымя, подобно тому, как произошло в 1990-е и особенно в 2000-е годы⁶⁹. И потому лозунг оппозиционных митингов — «Россия будет свободной!» — может в обозримом будущем стать ключевым аспектом политической повестки дня. Россия на самом деле будет свободной страной — вопрос в том, когда именно, каким образом и с какими издержками она пройдет свой путь к свободе. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 52–69.

² См., например: *Remington T.* Patronage and the Party of Power: President-Parliament Relations Under Vladimir Putin // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 959–987; *Ross C.* The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 429–448.

³ См., в частности: *Gel'man V.* Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 913–930; *Golosov G. V.* Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 397–414.

⁴ См., например: *Gladarev B., Lonkila M.* Justifying Civil Activism in Russia and in Finland // *Journal of Civil Society*. 2013. Vol. 9. No. 4. P. 375–390; *Клеман К.* Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

⁵ По данным общероссийских опросов Левада-Центра, уровень поддержки Путина (подсчитанный как разность позитивных и негативных оценок его деятельности респондентами) упал с 38 проц. в августе 2011-го до 24 проц. в ноябре 2013 года (www.levada.ru/index). ФОМ в своих общероссийских опросах отмечал, что доля доверяющих Путину респондентов снизилась с 59 проц. в марте 2011-го до 43 проц. в ноябре 2013 года, в то время как доля не доверяющих ему респондентов возросла с 15 проц. до 22 процентов (<http://bd.fom.ru/map/dominant>).

⁶ Классический анализ см.: *Barghoorn F.* Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics // *Regimes and Oppositions* / R. Dahl (ed.). New Haven: Yale Univ. Press, 1973. P. 27–87; *Linz J. J.* Opposition in and under Authoritarian Regime: The Case of Spain // *Regimes and Oppositions*. P. 171–259; см. также: Гельман В. Политическая оппозиция в России...

⁷ *Stepan A.* Democratic Opposition and Democratization Theory // *Government and Opposition*. 1997. Vol. 32. No. 4. P. 657–678.

⁸ См.: *Barghoorn F.* Op. cit.; *Linz J. J.* Op. cit.

⁹ *Greene K.* Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

¹⁰ *Korea's Democratization* / S. S. Kim (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

¹¹ *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. Т. 2. С. 297–421.

¹² См.: *Fish M. S.* Democracy From Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995; *Urban M.* The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

¹³ О «структуре политических возможностей» см.: *Kitschelt H.* Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 57–87; *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movement, Collective Action, and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.

¹⁴ *Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J. A., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

¹⁵ См., в частности: *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // *Pro et Contra*. 2010. Т. 14. № 4–5. С. 6–22.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектория реформ // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. С. 14–38.

¹⁷ Анализ политических эффектов смены поколений на материале стран Запада см.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Public. Princeton: Princeton Univ. Press, 1977 и ряд последующих работ этого автора.

¹⁸ Алексей Навальный в одном из интервью вспоминал, что в октябре 1993 года, будучи студентом первого курса, сбегал с занятий, чтобы увидеть своими глазами штурм Белого дома. В то же время представители предшествующего поколения российских политиков в эти дни находились по разные стороны политических баррикад.

¹⁹ Гельман В. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. Гл. 5.

²⁰ См.: *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // *Pro et Contra*. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 6–23; *Robertson G.* Managing Society: Protests, Civil Society, and Regime in Putin's Russia // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. No. 3. P. 528–547; *Клеман К.* Указ. соч.

²¹ Подробнее см.: <http://vk.com/public23944101>

²² Подробнее см.: <http://www.dissernet.org/>

²³ См.: *Robertson G.* Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60.

No. 2. P. 11–23; *Greene S.* Beyond Bolotnaya: Bridging Old and New in Russia's Election Protest Movement // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60. No. 2. P. 40–52.

²⁴ *Lassila J.* Aleksei Navalny – Russia's Modern Populist? // *Aleksanteri Insight*. 2013. Dec. 4. No. 2 (http://www.helsinki.fi/aleksanteri/english/insight/AI_13_2.pdf).

²⁵ См.: *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла; *Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М.: Центр стратегических разработок, 2011; *Chaisty P., Whitefield S.* The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 187–208.

²⁶ *Яковлев А.* Массовые протесты в Москве сквозь призму исторических аналогий // *Вопросы экономики*. 2012. № 2. С. 151–157.

²⁷ *Fish M.S.* Op. cit.; *Urban M.* Op. cit.

²⁸ *Травин Д.* Очерки новейшей истории России. Кн. первая, 1985–1999. СПб: Норма, 2010.

²⁹ Составленный участниками московских протестов в феврале 2012 года список политических заключенных в стране включал 39 имен. Аналогичный список, переданный Путину в ноябре 2013 года сопредседателем партии РПР-ПАРНАС Владимиром Рыжковым, включал 70 имен. Эти показатели по меркам авторитарных режимов являются весьма низкими.

³⁰ *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale Univ. Press, 2005.

³¹ *Przeworski A.* Op. cit. P. 58.

³² *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 80, 88–89.

³³ *Гельман В.* Из огня да в полымя. Гл. 5.

³⁴ Количественные оценки масштабов фальсификаций см., например: *Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A.* Field Experiment Estimate of Fraud in Russian Parliamentary Elections // *Proceedings of the National Academy of Science of the United States of America*. 2013. Vol. 110. No. 2. P. 448–452.

³⁵ Опыт «соглашений элит» в процессе демократизации авторитарных режимов говорит о том, что успешным переговорам представителей режима и оппозиции предшествует не только длительная по времени протестная мобилизация, на порядки превосходящая то, что отмечалось зимой 2011–2012-го годов в Москве, но и неудачный

опыт предшествующего разрешения конфликтов. В России пока этих условий не отмечается.

³⁶ *Bennett W.L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action // *Information, Communication, and Society*. 2012. Vol. 15. No. 5. P. 739–768.

³⁷ Классический анализ см.: *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1965; о коллективных действиях в ходе «цветных революций» см., например: *Tucker J.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 535–551.

³⁸ *Smyth R., Sobolev A., Soboleva I.* Patterns of Discontent: Identifying the Participant Core in Russian Post-Election Protest / Paper prepared for the conference “Russia's Winter of Discontent: Talking Stock on Changing State-Society Relationships”. Uppsala. Sept. 2013.

³⁹ О «силе слабых связей» см.: *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.

⁴⁰ По сведениям, которые сообщали представители оппозиции, ежемесячное число участников протестных акций в Москве сократилось с 210 тыс. в декабре 2011-го до 5 тыс. в июле 2013-го. См.: *Treisman D.* Can Putin Keep His Grip on Power // *Current History*. 2013. Vol. 112. No. 756. P. 256.

⁴¹ *Golosov G.V.* The 2012 Political Reform in Russia: The Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections // *Problems of Post-Communism*. 2012. Vol. 59. No. 6. P. 3–14; *Smyth R.* Beyond United Russia: The Kremlin's Efforts to Engineer Ruling Majorities // *PONARS Eurasia Policy Memos*. 2013. No. 302. (http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peprn_302_Smyth_Sept2013.pdf).

⁴² *Бешлей О.* Уроки Евгении Чириковой // *New Times*. 2012. 15 окт. № 33 (<http://newtimes.ru/articles/detail/58224/>).

⁴³ О «нишевых» оппозиционных партиях см.: *Greene K.* Op. cit.

⁴⁴ Этот феномен отмечался и на материале других авторитарных режимов. См.: *Gandhi J.* Political Institutions Under Dictatorship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

⁴⁵ По данным всероссийского опроса Левада-Центра, в мае 2013 года лишь 27 проц. респондентов заявляли о поддержке оппозиции по сравнению с 42 проц. опрошенных в декабре 2011-го.

(<http://www.levada.ru/13-06-2013/nesistemnaya-oppozitsiya-otnoshenie-k-mitingam-i-lideram>).

⁴⁶ См. данные московских опросов ФОМ: <http://fom.ru/Politika/11011>; прогноз результатов выборов: <http://fom.ru/Politika/11063>; данные Левада-Центра: <http://www.levada.ru/17-07-2013/moskva-nakanune-vyborov-mera-polnoe-issledovanie>

⁴⁷ Выступая перед своими сторонниками после голосования, он предложил отказаться от протестов, но призвал их быть готовыми «жечь файеры», когда он сочтет этот шаг необходимым. См. запись выступления Навального на митинге на Болотной площади 9 сентября 2013-го (<http://www.youtube.com/watch?v=pUmOoEUf4-8>).

⁴⁸ Будучи приговорен к условному сроку в октябре 2013-го года, сам Навальный оказался исключен из числа возможных кандидатов, в том числе и на предстоящих думских и президентских выборах.

⁴⁹ По данным общероссийского опроса Левада-Центра, 54 проц. россиян знали о политической деятельности Навального (в апреле 2011-го года — 6 проц.) (<http://www.levada.ru/15-11-2013/rossiyane-ob-navalnom>), а в ноябре 2013-го 5 проц. респондентов выражали готовность проголосовать за него на президентских выборах (<http://www.levada.ru/03-12-2013/vozmozhnye-rezultaty-prezidentskikh-vyborov>).

⁵⁰ *Stepan A.* On the Tasks of Democratic Opposition // *Journal of Democracy*. 1990. Vol. 1. № 2. P. 41—49.

⁵¹ *Stepan A.* Op. cit. P. 44.

⁵² *White D.* Dominant Party Systems: A Framework for Conceptualizing Opposition Strategies in Russia // *Democratization*. 2011. Vol. 18. No 3. P. 655—681.

⁵³ Проведенный в 2008 году опрос представителей российских элитных групп свидетельствовал о том, что значительная их часть разделяла требования демократизации страны. См.: *Афанасьев М.* Российские элиты развития: Запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

⁵⁴ *Рыженков С.* Перспективы демократизации России: Стратегический подход (первое приближение) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 1. С. 101.

⁵⁵ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1970.

⁵⁶ *Навальный А.* Русский марш // *Эхо Москвы*. 2013. 3 нояб. (<http://echo.msk.ru/blog/navalny/1190048-echo/>).

⁵⁷ *Акунин Б.* Про Алексея Навального и «Русский марш» // *Эхо Москвы*. 2013. 3 нояб. (http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/1190412-echo/).

⁵⁸ *Мионов М.* Навальный, Акунин и «Русский марш» // *slon.ru*. 2013. 4 нояб. (http://slon.ru/russia/navalnyy_akunin_i_russkiy_marsh-1014016.xhtml).

⁵⁹ *Stepan A.* Op. cit. P. 47.

⁶⁰ *Chaisty P., Whitefield S.* Forward to Democracy or Back to Authoritarianism: The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011—2012 // *Post-Soviet Affairs*. 2013. Vol. 29. № 5. P. 387—403.

⁶¹ *Hale H.* The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 8. P. 1357—1375.

⁶² *Way L.* The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. № 3. P. 55—69.

⁶³ *Tucker J.* Op. cit.; *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // *World Politics*. 2010. Vol. 62. № 1. P. 43—86.

⁶⁴ О «фальсификации предпочтений» см.: *Kuran T.* Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // *World Politics*. 1991. Vol. 44. № 1. P. 7—48; об этой проблеме в российском контексте см.: *Рогов К.* Сверхбольшинство для сверхпрезидента // *Pro et Contra*. 2013. Т. 17. № 3—4. С. 102—125.

⁶⁵ *Treisman D., Dmitriev M.* The Other Russia // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. № 5. P. 59—72.

⁶⁶ *Przeworski A.* Op. cit. P. 69—72.

⁶⁷ Подробнее см. обзор: *Гельман В., Добронравин Н., Колоницкий Б., Травин Д.* Политический кризис в России: Модели выхода. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012.

⁶⁸ Об «опрокидывающих выборах» как средстве делегитимации авторитарных режимов см.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: Univ. of Oklahoma Press. 1991. P. 174—180.

⁶⁹ См.: *Россия 2020: сценарии развития* / Под ред. М. Липман, Н. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012; *Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация государства в России: Необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012; *Гельман В.* Из огня да в полымя.